

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
Г99

Victor Hugo
NOTRE-DAME DE PARIS

Перевод с французского *Н. Коган*

Серия «Библиотека всемирной литературы»
Оформление *Н. Ярусовой*

В оформлении суперобложки использованы фрагменты работ художников *Анри Адриена Танау, Яна Бартолда Йонгкинда и Мишеля Анри*

Серия «Шедевры мировой классики»
Оформление *А. Саукова*

В оформлении переплета использована репродукция картины «Эсмеральда» (1839 г.) художника Карла Штейбена (1788—1856 гг.)

Гюго, Виктор.

Г99 Собор Парижской Богоматери : роман / Виктор Гюго ; [пер. с фр. Н. Коган]. — Москва : Эксмо, 2019. — 544 с. : ил.

ISBN 978-5-04-100393-7 (Библиотека всемирной литературы)
ISBN 978-5-04-100400-2 (Шедевры мировой классики)

«Собор Парижской Богоматери» — это первый исторический роман на французском языке, который был создан благодаря стремлению сохранить величественный памятник архитектуры. В нем на фоне средневековой Франции разворачивается драма с участием уличной танцовщицы-цыганки Эсмеральды и звонаря-горбуна Квазимодо. Он обретает смелость, чтобы попытаться спасти от смерти молодую красавицу... Колоритное изображение Парижа с высоты птичьего полета и пронзительная история любви под сводами готического собора нашли отражение во множестве экранизаций и инсценировок.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-04-100393-7
ISBN 978-5-04-100400-2

© Коган Н., перевод на русский язык.
Наследники, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Содержание

КНИГА ПЕРВАЯ

I. БОЛЬШОЙ ЗАЛ

13

II. ПЬЕР ГРЕНГУАР

28

III. КАРДИНАЛ

38

IV. МЭТР ЖАК КОПЕНОЛЬ

45

V. КВАЗИМОДО

54

VI. ЭСМЕРАЛЬДА

61

КНИГА ВТОРАЯ

I. МЕЖДУ СЦИЛЛОЙ И ХАРИБДОЙ

64

II. ГРЕВСКАЯ ПЛОЩАДЬ

66

СОДЕРЖАНИЕ

III. BESOS PARA GOLPES

69

IV. НЕУДОБСТВА, КОТОРЫМ ПОДВЕРГАЕШЬСЯ,
ПРЕСЛЕДУЯ ВЕЧЕРОМ
ХОРОШЕНЬКУЮ ЖЕНЩИНУ

78

V. НЕУДАЧИ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

83

VI. РАЗБИТАЯ КРУЖКА

85

VII. БРАЧНАЯ НОЧЬ

104

КНИГА ТРЕТЬЯ

I. СОБОР БОГОМАТЕРИ

115

II. ПАРИЖ С ПТИЧЬЕГО ПОЛЕТА

124

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

I. ДОБРЫЕ ДУШИ

150

II. КЛОД ФРОЛЛО

154

III. IMMANIS PECORIS CUSTOS,
IMMANIOR IPSE

159

IV. СОБАКА И ЕЕ ГОСПОДИН

167

6

СОДЕРЖАНИЕ

V. ПРОДОЛЖЕНИЕ ГЛАВЫ
О КЛОДЕ ФРОЛЮ
168

VI. НЕЛЮБОВЬ НАРОДА
175

КНИГА ПЯТАЯ

I. АВВАС БЕАТИ МАРТИНИ
177

II. ВОТ ЭТО УБЬЕТ ТО
188

КНИГА ШЕСТАЯ

I. БЕСПРИСТРАСТНЫЙ ВЗГЛЯД
НА СТАРИННУЮ МАГИСТРАТУРУ
205

II. КРЫСИНАЯ НОРА
217

III. РАССКАЗ О МАИСОВОЙ ЛЕПЕШКЕ
221

IV. СЛЕЗА ЗА КАПЛЮ ВОДЫ
242

V. КОНЕЦ РАССКАЗА О МАИСОВОЙ ЛЕПЕШКЕ
252

КНИГА СЕДЬМАЯ

I. О ТОМ, КАК ОПАСНО ДОВЕРЯТЬ
СВОЮ ТАЙНУ КОЗЕ
253

II. СВЯЩЕННИК И ФИЛОСОФ НЕ ОДНО И ТО ЖЕ
268

СОДЕРЖАНИЕ

III. Колокола

277

IV. ἘΑΝΑΓΚΗ

279

V. Два человека в черном

294

VI. Последствия, к которым могут привести
семь прозвучавших на вольном воздухе
проклятий

299

VII. Монах-привидение

304

VIII. Как удобно, когда окна выходят на реку

312

КНИГА ВОСЬМАЯ

I. ЭКЮ, ПРЕВРАТИВШЕЕСЯ В СУХОЙ ЛИСТ

321

II. ПРОДОЛЖЕНИЕ ГЛАВЫ ОБ ЭКЮ,
ПРЕВРАТИВШЕМСЯ В СУХОЙ ЛИСТ

331

III. ОКОНЧАНИЕ ГЛАВЫ ОБ ЭКЮ,
ПРЕВРАТИВШЕМСЯ В СУХОЙ ЛИСТ

336

IV. LASCIATE OGNI SPERANZA

339

V. МАТЬ

353

VI. ТРИ МУЖСКИХ СЕРДЦА,
СОЗДАННЫЕ РАЗЛИЧНО

358

КНИГА ДЕВЯТАЯ

- I. Бред
376
- II. ГОРБАТЫЙ, КРИВОЙ, ХРОМОЙ
387
- III. Глухой
391
- IV. Глина и хрусталь
393
- V. Ключ от Красных врат
404
- VI. Продолжение рассказа
о ключе от Красных врат
406

КНИГА ДЕСЯТАЯ

- I. На улице Бернардинцев у Гренгуара
одна за другой рождается
несколько блестящих идей
410
- II. Становись бродягой
421
- III. Да здравствует веселье!
423
- IV. Медвежья услуга
431
- V. Келья, в которой Людовик
Французский читает Часослов
451
- VI. Короткие клинки звенят
483

СОДЕРЖАНИЕ

VII. ШАТОПЕР, ВЫРУЧАЙ!

484

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ

I. БАШМАЧОК

487

II. LA CREATURA BELLA BIANCO VESTITA (DANTE)

520

III. БРАК ФЕБА

529

IV. БРАК КВАЗИМОДО

529

ПРИМЕЧАНИЯ

532

Несколько лет тому назад, осматривая собор Парижской Богородицы, или, выражаясь точнее, обследуя его, автор этой книги обнаружил в темном закоулке одной из башен следующее начертанное на стене слово:

ἘΝΑΓΚΗ¹.

Эти греческие буквы, потемневшие от времени и довольно глубоко врезанные в камень, некие свойственные готическому письму признаки, запечатленные в форме и расположении букв, как бы указывающие на то, что начертаны они были рукой человека Средневековья, и в особенности мрачный и роковой смысл, в них заключавшийся, глубоко поразили автора.

Он спрашивал себя, он старался постигнуть, чья страдающая душа не пожелала покинуть сей мир без того, чтобы не оставить на челе древней церкви этого стигмата преступлений или несчастья.

Позже эту стену (я даже точно не припомню, какую именно) не то выскоблили, не то закрасили, и надпись исчезла. Именно так в течение вот уже двухсот лет поступают с чудесными церквями Средневековья. Их увечат как угодно — и изнутри и снаружи. Священник их перекрашивает, архитектор скоблит; потом приходит народ и разрушает их.

¹ Рок (*εφ.*).

И вот ничего не осталось ни от таинственного слова, высеченного в стене сумрачной башни собора, ни от той неведомой судьбы, которую это слово так печально обозначило, — ничего, кроме хрупкого воспоминания, которое автор этой книги им посвящает. Несколько столетий тому назад исчез из числа живых человек, начертавший на стене это слово; в свою очередь, исчезло со стены собора и само слово; быть может, исчезнет скоро с лица земли и сам собор.

Это слово и породило настоящую книгу.

Март 1831

КНИГА ПЕРВАЯ

І. БОЛЬШОЙ ЗАЛ

Триста сорок восемь лет шесть месяцев и девятнадцать дней тому назад парижане проснулись под перезвон всех колоколов, которые неистовствовали за тремя оградами Ситэ, Университетской стороны и Города. Между тем день 6 января 1482 года отнюдь не являлся датой, о которой могла бы хранить память история. Ничего примечательного не было в событии, которое с самого утра привело в такое движение и колокола, и горожан Парижа. Это не был ни штурм пикардийцев или бургундцев, ни процессия с мощами, ни бунт школяров, ни въезд «нашего грозного властелина господина короля», ни даже достойная внимания казнь воров и воровок на виселице по приговору парижской юстиции. Это не было также столь частое в XV веке прибытие какого-либо пестро разодетого и разукрашенного плюмажами иноземного посольства. Не прошло и двух дней, как последнее из них — это были фламандские послы, уполномоченные заключить брак между дофином и Маргаритой Фландрской, — вступило в Париж, к великой досаде кардинала Бурбонского, который из угождения королю должен был скрепя сердце принимать неотесанную толпу фламандских бургомистров и угощать их в своем Бурбонском дворце представлением «весьма прекрасной моралите, шуточной сатиры и фарса», пока проливной дождь заливал его роскошные ковры, разостланные у входа во дворец.

Событие, которое 6 января «взволновало всю парижскую чернь», как говорит Жан де Труа, было двойное праздне-

ство, объединившее с незапамятных времен праздник Крещения с праздником шутов.

В этот день на Гревской площади зажигались потешные огни, у Бракской часовни происходила церемония посадки майского деревца, в здании Дворца правосудия давалась мистерия. Об этом еще накануне возвестили при звуках труб на всех перекрестках глашатаи господина парижского прево, разодетые в щегольские полукафтанья из лилового камлота с большими белыми крестами на груди.

Заперев двери домов и лавок, толпы горожан и горожанок с самого утра потянулись отовсюду к упомянутым местам. Одни решили отдать предпочтение потешным огням, другие — майскому дереву, третьи — мистерии. Впрочем, к чести исконного здравого смысла парижских зевак, следует признать, что большая часть толпы направилась к потешным огням, вполне уместным в это время года, другие — смотреть мистерию в хорошо защищенном от холода зале Дворца правосудия; а бедному, жалкому, еще не расцветшему майскому деревцу все любопытные единодушно предоставили зябнуть в одиночестве под январским небом, на кладбище Бракской часовни.

Народ больше всего теснился в проходах Дворца правосудия, так как было известно, что прибывшие третьего дня фламандские послы намеревались присутствовать на представлении мистерии и на избрании папы шутов, которое также должно было состояться в большом зале Дворца.

Нелегко было пробраться в этот день в большой зал, считавшийся в то время самым обширным закрытым помещением на свете. (Правда, Соваль тогда еще не обмерил громадный зал в замке Монтаржи.) Запруженная народом площадь перед Дворцом правосудия представлялась зрителям, глядевшим на нее из окон, морем, куда пять или шесть улиц, подобно устьям рек, непрерывно извергали все новые потоки людей. Непрестанно возрастая, эти людские волны разбивались об углы домов, выступавшие то тут, то там подобно высоким мысам в неправильном водоеме площади.

Посредине высокого готического¹ фасада Дворца правосудия находилась главная лестница, по которой безостановочно поднимался и спускался двойной поток людей; расколовшись ниже, на промежуточной площадке, надвое, он широкими волнами разливался по двум боковым спускам; эта главная лестница, как бы непрерывно струясь, сбегала на площадь, подобно водопаду, низвергавшемуся в озеро. Крик, смех, топот тысячи ног производили страшный шум и гам. Время от времени этот шум и гам усиливался: течение, несшее всю эту толпу к главному крыльцу, поворачивало вспять и, крутясь, образовывало водовороты. Причиной тому были либо стрелок, давший кому-нибудь тумака, либо лягавшаяся лошадь начальника городской стражи, водворявшего порядок; эта милая традиция, завещанная парижским прево коннетаблям, перешла от коннетаблей по наследству к конной страже, а от нее — к нынешней жандармерии Парижа.

В дверях, в окнах, в слуховых оконцах, на крышах домов кишели тысячи благодушных, безмятежных и почтенных горожан, спокойно глазевших на Дворец, глазевших на толпу и ничего более не желавших, ибо многие парижане довольствуются зрелищем самих зрителей, и даже стена, за которой что-либо происходит, уже представляет для них предмет, достойный любопытства.

Если бы нам, живущим в 1830 году, дано было мысленно вмешаться в толпу парижан XV века и, получая со всех сторон пинки, толчки, еле удерживаясь на ногах, проникнуть вместе с ней в этот обширный зал Дворца, казавшийся в день 6 января 1482 года таким тесным, то зрелище, представившееся нашим глазам, не лишено было бы занимательности и очарования; нас окружили бы вещи столь старинные, что они для нас были бы полны новизны.

Если читатель согласен, мы попытаемся хотя бы мысленно воссоздать то впечатление, которое он испытал бы, пе-

¹ Слово «готический» в том смысле, в каком его обычно употребляют, совершенно неточно, но и совершенно неприкосновенно. Мы, как и все, принимаем и усваиваем его, чтобы охарактеризовать архитектурный стиль второй половины Средних веков, в основе которого лежит стрельчатый свод — преемник полукруглого свода, породившего архитектурный стиль первой половины тех же веков. (Примеч. авт.)